

красота неотделима от умения ее видеть. Прекрасная вещь вне ее эстетического переживания невозможна. Если же она все-таки мыслима вне субъекта, то лишь в качестве мнимой величины, лишенной конкретности выражения (художественной формы). Только усилие субъекта, напряжение его эстетической воли побуждает прозаическую реальность к поэтической жизни, вынуждает ее прорасти формообразующим смыслом и проявиться в красоте формы. Художник подобен волшебнику, который заклинаниями принуждает естественную природу служить ему и поступать сверхъестественно. Мастерство художника и есть его волшебство, с помощью которого он выводит вещественный мир за границы естественно возможного, то есть создает вещи, обогащающие естественный миропорядок. В этом и состоит так называемая магия искусства. При этом труд художника менее всего напоминает произвольное сочинительство, ибо красоту нельзя измыслить, ее можно только реализовать. Подлинный мастер – послушное и терпеливое дитя особой, надприродной необходимости, в силу которой эстетическая воля субъекта ищет и находит свое воплощение в предметности объективных морфоструктур. Красота, следовательно, объективно не дана тому, кто хотя бы в воображении не производит ее сам, кому отказано в потребности жить ею и в способности ее восчувствовать. Эстетический субъект тем и отличается от всякого другого субъекта, что в привычном он находит непривычное, в стандартном – уникальное, в естественном – сверхъестественное, в повседневном – чудесное, ибо, по выражению Ф. Кафки, для художника «обычное – уже само по себе чудо».

УДК 101.3

Э. К. Скиба

Государственный ВУЗ «Национальный горный университет»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФСКОГО И ФЕМИНИСТСКОГО ДИСКУРСОВ

Розглянута взаємодія філософського і феміністського дискурсів.

Ключові слова: класична філософія, феміністська теорія, метод «пробудження свідомості», феміністська філософія.

Рассмотрено взаимодействие философского и феминистского дискурсов.

Ключевые слова: классическая философия, феминистская теория, метод «пробуждения сознания», феминистская философия.

Interaction of the philosophic and feminist discourses is analysed.

Keywords: classical philosophy, feminist theory, method of «consciousness awakening», feminist philosophy.

© Скиба Э. К., 2011

У феминистской философии два источника – женское движение и традиционная академическая философия. Женское движение, подвергнув мощной критике идеалы и институты общества, построенного на господстве мужчин, разоблачило андроцентризм западноевропейской культуры в целом.

Представить женщину «нормальным» субъектом истории и общества, обладающим агентивностью и инициативой, стало возможным только благодаря так называемой феминистской теории, подвергнувшей деконструкции значительное количество антропологических, культурных, литературных и прочих мифов. Основываясь на идеях женского движения, философы-феминисты утвердили положительную ценность опыта женщин. Академические феминисты писали (и пишут) на самые разнообразные темы – от явно политических вопросов, таких как дискриминация на рабочем месте, использование сексистского языка, насилие в семье, до сложных метафизических и эпистемологических идей, лежащих в основании культуры.

Деконструкция многих мифов патриархатной культуры стала возможной в значительной степени благодаря переживаемому Западом в 70-х гг. XX в. ренессансу марксистской теории, в очень многих своих аспектах объединившей марксизм и феминизм. Н. Хартсок считает, например, что феминистки посредством метода «пробуждения сознания» заново изобрели изначальный марксистский метод, который утверждает, что теория основывается на опыте и интегрирует в себе личную и политическую трансформацию, и что и то, и другое является частью одного процесса революционного действия [7, с. 127].

Исследуя вопросы метафизики и теории познания, большинство современных ученых-феминистов уделяют внимание проблемам ценностей, признавая важность ценностного компонента в основе любых вопросов феминистской философии.

Развиваясь на благодатной академической почве последней трети XX в., гендерная теория неотделима от постмодернизма, вернее, постмодернизм и гендерная/постфеминистская теория рассматриваются учеными как два наиболее важные культурно-политические течения последних десятилетий. И хотя, как замечают исследователи, они соблюдают дистанцию, есть много оснований для анализа взаимоотношений между ними. Как отмечается, на практике постмодернистские взгляды иногда пересекаются с феминистской теорией и отрицают прежнюю систему ценностей, тем самым предоставляя возможность нового прочтения культуры. Таким образом, как пишет Дж. Аллен, феминистам постмодернизм дает надежду. Однако его обещания обманчивы, продолжает исследовательница, и его софистика иронично проглядывается в постмодернистских дискуссиях о женщинах и феминизме, что Аллен и показывает в своей работе «Женщины, порождающие женщин» [1, с. 62].

Отмечается, что среди вопросов, центральных для гендерно-постфеминистской критики феминистской науки и эпистемологии, наибольший скептицизм вызывают следующие. Во-первых, существо-

вание стабильного, связанного «я»; то, что разум и «наука» (философия) могут обеспечить объективное, надежное и универсальное основание для знания; то, что знание, приобретаемое правильным использованием разума, будет «Истиной»; а разум сам по себе обладает трансцендентальными и универсальными качествами. Далее, то, что свобода состоит в подчинении законам и согласно с необходимыми результатами правильного использования разума и обосновав требования к авторитету знания, можно преодолеть конфликты между истиной, знанием и властью. Затем: истина может служить власти без искажения, в свою очередь, используя знание для обслуживания власти, можно обеспечить и свободу, и прогресс. Знание может быть и нейтральным, и социально благотворным. Наука нейтральна в своих методах и содержании, но социально полезна в своих результатах. Язык в некотором смысле прозрачен. Объекты не конструируются лингвистически и социально, но просто делаются присутствующими в сознании с помощью наименования и правильного использования языка [5, с. 41–42]. С одной стороны, представители гендерной теории согласны с постмодернистским отрицанием «великих текстов» классической философии. С другой стороны, феминистские универсальные определения реальности или истинности – прекрасный объект для постмодернистской деконструкции, и в этом смысле постмодернизм также подрывает некоторые важные аспекты гендерно-феминистской теории. Кроме того, в постмодернизме, как уже отмечалось, подвергается сомнению сама возможность существования стабильного субъекта определенного пола – «я», – что является ключевым понятием в феминистской теории и практике.

Феминистские философы по-разному отвечают на этот вызов постмодернизма, принимая его позицию, дискутируя с ней или пытаясь разобраться в своих смешанных чувствах и мнениях.

Феминистская теория в 70-х – начале 80-х гг. фокусировала свое внимание на тотализирующих концепциях теории, и в этом смысле теоретизировать по определению означало производить квазинарратив. Очень ярким примером последнего может послужить анализ материнства, предложенный Н. Чодороу. Пытаясь объяснить интернальную динамику психологии, которая привела многих женщин к добровольному воспроизводству социального разделения и подчиненного положения, Чодороу сделала объектом своего исследования кросс-культурную деятельность, материнство, задавшись целью проанализировать, как материнство производит новое поколение женщин с психологической склонностью к материнству и новое поколение мужчин, у которых склонность растить и воспитывать детей отсутствует. Ответ был предложен в терминах гендерной идентичности: женское материнство производит женщин, у которых глубокое чувство своего «эго» относительно, и мужчин, у которых это чувство не является относительным [2, с. 248]. И хотя теории Н. Чодороу оказали (и оказывают) значительное влияние на гендерную науку, с точки зрения постмодернизма у них та же слабость – в них звучат отчетливые обертоны метанарративов. С перспективы постмодернизма, утверждения Чодороу о том, что различия, производимые маскулинной и феминин-

ной гендерной идентичностью, вызывают целый ряд кросс-культурных социальных явлений, весьма проблематичны, потому что они пронизаны эссенциализмом. Как отмечается, Чодороу не единственный теоретик, построивший квази-метанарратив вокруг предполагаемой кросс-культурной деятельности, связанной с женщинами. Такие теоретики, как Э. Фергюссон и Н. Фолбре, Н. Хартсок и И. Мак-Киннон создавали подобные теории вокруг понятий полового любовного производства, репродукции и сексуальности [4, с. 329]. Каждый из них стремился идентифицировать некий вид базовой человеческой деятельности, свойственный всем обществам и обладающим кросс-культурной объяснительной силой, что неизбежно обнаруживало эссенциализм в феминистской теории 70-х гг. и мешало ей быть последовательно постмодернистской.

С другой стороны, отмечается, что постмодернистская критика метанарративов (Ж.-Ф. Лиотар) не столь важна для феминистской теории, поскольку сексизм, имеющий давнюю историю, глубоко и всеобъемлюще укоренился в современных обществах, и, следовательно, постмодерным теоретикам гендера не следует отказываться от больших теоретических инструментов, необходимых для анализа крупных политических проблем.

Как утверждает Сара Хардинг, феминистский вызов интеллектуальной и социальной структуре западной культуры с неизбежностью достигает самого основания нашей эпистемологической системы. Исследовательница доказывает: «то, что мы считаем внутренней человеческой проблематикой, концептами, теориями, объективными методологиями и трансцендентальными истинами, по сути, очень далеки от того, чтобы ими быть. На самом деле эти продукты мысли несут знак своих коллективных и индивидуальных творцов, а творцы, в свою очередь, совершенно отчетливо маркированы в отношении гендера, класса, расы и культуры» [6, с. 662]. По мнению Хардинг, феминистский вызов несет значительную угрозу социальному и эпистемологическому порядку вследствие скрытой нездесущности гендера и шлейфа научной рациональности, подразумевающей, что соответствующая модель рациональности или поисков методологического знания еще не определены точно, тем более не реализованы на практике. С этой точки зрения, внутренние вокабуляры феминистки и «разума», различий и идентичности равно подозрительны, поскольку им не хватает пространства для критического «восстановления энергии» и в первом, и во втором случае. Хардинг утверждает, что феминистский эмпиризм весьма точно соответствует рационализму, идентифицируя сексизм и андроцентризм как социальные предубеждения и предвзятость, которые можно исправить, строго придерживаясь существующих норм научного исследования. Но феминистский эмпиризм невольно деконструируется в терминах своей «привязанности» к рациональному, показывая, что сексистская предубежденность скорее внутренняя, чем акцидентальная или вторичная черта научного исследования. К эпистемологическим парадоксам феминистского эмпиризма обращается «феминистская точка зрения», признающая гендерные измерения рационального исследования. Как следствие, – гендерная специфическая и

дифференцированная перспектива в отношении женщин рассматривается в качестве предпочтительной базы для исследования, предпочтительной потому, что опыт и перспективы женщины как исключенного и эксплуатируемого Другого считается более включающим и критически связанным, чем опыт маскулинной группы. Хотя подходы «феминистской точки зрения» стремятся охватить открытые отношения между знанием и гендерными интересами, они все же разделяют с феминистским эмпиризмом побуждение к обобщающему, универсальному знанию. Минимально, такое знание должно быть универсальным для «женщин» как группы. Максимально, оно должно вернуть частичное и извращенное понимание маскулинного исследования в свои горизонты объяснения и интерпретации.

Как указывает Хардинг, теории феминистской точки зрения уязвимы в своем возможном предположении, что «женщины» не существуют как достаточно связанный социальный субъект. Если различия между женщинами – различия, базирующиеся на основе расы, класса, сексуальности, культуры и этничности, и они достаточно выражены, чтобы взять верх над фемининной общностью опыта и интереса, тогда «феминистская точка зрения» – как и феминистское движение в целом – потенциально угнетающая и тотализирующая фикция, каким, и является гуманизм, по мнению некоторых исследователей. Хардинг задает вопросы: «Является ли проект феминистской точки зрения все еще твердо обоснованным в исторически губительном союзе знания и власти, характерного для эпохи модерна? Укоренился ли он настолько основательно в проблематичной политике эссенциализированных идентичностей?» Для Хардинг феминистский постмодернизм – это «эпистемология, которая оправдывает претензии знания только тогда, когда они возникают из восторженного нарушения основополагающих табу западного гуманизма». Политическим двойником этой эпистемологии «постоянного пристрастия» является «политика солидарности фрагментированных «эго» и оппозиционного сознания» [6, с. 651].

Представительницы так называемой французской феминистской теории оказались под мощным воздействием постмодернистской философской мысли своих соотечественников Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Деррида, М. Фуко и др. Но, придавая огромное значение центральному положению языка (знаку, сигнификации, символу), они теоретизировали в терминах текста все то, что находится вне текста, как если бы моделью деятельности человека была литературная критика или письмо. Это отсутствие внимания к конкретным социальным отношениям, включая распределения власти, радикальное (даже онтологическое) разделение между мужским миром знака и разума и женским миром тела и природы не смогли дать ясное направление феминистской/гендерной мысли или предложить понятное женщинам вне элитарной академической среды объяснение гендерных отношений и гендерного порядка.

Более того, исследователи подчеркивают: работы Фуко выявили взаимосвязь между претензиями знания (особенно, претензиями на абсолютное или нейтральное знание) и властью, но гендерный поиск Архимедовой точки опоры не должен завести нас в ловушку эпистемы, где претензии на истину могут приобретать только одни, определенные формы.

Любая эпистема требует угнетения тех дискурсов, которые подрывают авторитет доминирующего дискурса. Следовательно, как подчеркивается, и в гендерной теории поиск определяющий темы или особой феминистской точки зрения может привести к угнетению важных, но неудобных «голосов», представляющих опыт, отличный от мейнстрима.

Рассматривая гендер как естественный барьер в социальных отношениях, исследователи отмечают определенные трудности в анализе отношений между гендером и полом. Хотя главное внимание гендерной теории сосредоточено на денатурализации гендера, феминисты (и нефеминисты тоже) сталкиваются с большими проблемами, размышляя о тех значениях, которые мы приписываем концепту «природный/естественный». Природное все более и более перестает существовать как противоположность социальному или культурному: природа становится объектом и продуктом человеческой деятельности, она теряет свое независимое существование. Для того, чтобы сберечь природу (от самих себя), многие представители современного западного общества ставят знак равенства между полом, биологией, природой и гендером и противопоставляют их культурному/социальному/человеческому. Таким образом, концепты гендера становятся сложными метафорами амбивалентности человеческой деятельности и, как части, природного мира [3, с. 154]. Но использование гендера как метафоры блокирует дальнейшее исследование, такой модус мышления маскирует возможность того, что наши концепты биологии и природы коренятся в социальных отношениях, а не просто отражают определенную структуру самой реальности. И, как отмечается, для того, чтобы понять гендер как социальные отношения, необходима дальнейшая деконструкция тех значений, которые мы придаем биологии /полу/ гендеру/природе. Например, поскольку женщина, как правило, символизирует тело, различие, конкретность в западной философской традиции, то, по мнению многих исследователей нефеминистской традиции, эти качества определяют деятельность, ассоциируемую с женщинами: материнство, семейный уход, воспитание и т.д. Ум женщин также зачастую рассматривается как отражающий качества стереотипизированной женской деятельности. Даже ученые-феминисты иногда говорят, что женщины размышляют и пишут иначе, чем мужчины, и имеют другие интересы и мотивы для своей деятельности. Как утверждается, мужчины демонстрируют больший интерес к проявлению абстрактного ума, желания господствовать над природой (включая тело), к агрессии и милитаристским наклонностям. Феминисты-теоретики, с другой стороны, анализируют те способы, с помощью которых материнство оформляет, например, сознание женщины и т. п.

Таким образом, феминистский/гендерный «иск» к постмодернизму содержит несколько взаимосвязанных претензий. Первое: постмодернизм выражает требования и нужды той части общества (белые, привилегированные мужчины индустриализованного Запада), которая уже имела Просвещение и сейчас готова подвергнуть это наследие критическому рассмотрению. Второе: объекты различных критических и деконструктивистских попыток постмодернистов являются созданиями подобной специфической и пристрастной части общества (начиная с Со-

крата, Платона и Аристотеля). Третье: главное направление постмодернистской теории (Деррида, Лиотар, Рорти, Фуко) безразлично и невосприимчиво к вопросам гендера в своем намеренно политизированном пересмотре истории, политики и культуры. И, наконец: постмодернистский проект, будучи серьезно адаптирован к феминистской мысли, делает любое сходство с феминистской политикой невозможным.

Библиографические ссылки

1. **Аллен Дж.** Женщины, порождающие женщин: разрушение главных софизмов [Текст] / Дж. Аллен // Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 50–151.
2. **Chodorow N.** The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender [Text] / N. Chodorow. – The University of California Press, 1978. – 375 p.
3. **Elstain J. F.** Public Man, Private Woman [Text] / J. F. Elstain. – New York: Princeton University Press, 1981. – 331 p.
4. **Ferguson A.** The Unhappy Marriage of Patriarchy and Capitalism [Text] / A. Ferguson, N. Folbre // Women and Revolution. – Boston: South End Press, 1981. – P. 313–338.
5. **Flax J.** Postmodernism and Gender Relations in Feminist Theory [Text] / J. Flax // Feminism/Postmodernism. – New York and London: Routledge, 1990. – P. 41–42.
6. **Harding S.** The Instability of the Analytical Categories of Feminist Theory [Text] / S. Harding // Signs: Journal of Women in Culture and Society. – 1986. – Vol. 11. – № 4. – P. 645–664.
7. **Hartsock N.** Feminist Theory and the Development of Revolutionary Strategy [Text] / N. Hartsock. – New York and London: Monthly Review Press, 1978. – 394 p.

Надійшла до редколегії 20.01.11

УДК 1(091):15+111.32

Л. В. Сторіжко

Національний технічний університет України «КПІ»

ЦІНІСНЕ ЗНАЧЕННЯ НОВИХ МЕТОДОЛОГІЧНИХ ПІДХОДІВ ДО ПРОБЛЕМ ПІЗНАННЯ В ТЕОРІЇ А. МАСЛОУ

Розглядаються нові підходи до проблем пізнання, сформульовані представником гуманістичної психології А. Маслоу. Дослідник розглядає наукову діяльність, методи наукового пізнання не як стереотипні, а як нові, творчі принципи сприйняття дійсності. В зв'язку з цим, в сучасній науці необхідно зосередити увагу на вивченні креативної особистості і такі її прояви, як талант і геніальність.

Ключові слова: пізнання, креативна особистість, методи пізнання, талант, інсайт, інтуїція, позитивні емоції.

© Сторіжко Л. В., 2011